

Правительство Ульяновской области
Министерство искусства и культурной политики
Ульяновской области
Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека
имени В. И. Ленина
Ульяновский государственный педагогический университет
имени И. Н. Ульянова

**Карамзинский сборник 2022.
Николай Михайлович Карамзин:
времен связующая нить.
Из века XVIII в век XXI**

Сборник материалов
Всероссийского Круглого стола
(Ульяновск, 12 декабря 2022 г.)

Ульяновск
ОГБУК «Дворец книги»
2023

УДК 8Р1
ББК 83.3(2=Рус)4
К21

Рецензенты:

А. А. Дырдин, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела Департамента научных исследований и инноваций ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный технический университет», доктор филологических наук, профессор

Л. А. Сапченко, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова», доктор филологических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Веркова М. В., кандидат филологических наук, зав. сектором издательской деятельности ОГБУК «Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека имени В. И. Ленина».

Даранова О. Н., учёный секретарь ОГБУК «Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека имени В. И. Ленина», ответственный редактор сборника.

Шаврыгин С. М., профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова», доктор филологических наук.

Карамзинский сборник 2022. Николай Михайлович Карамзин: К21 времён связующая нить. Из века XVIII в век XXI : сборник материалов Всероссийского Круглого стола (Ульяновск, 12 декабря 2022 г.) / Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека им. В. И. Ленина, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова ; отв. ред. О. Н. Даранова. – Ульяновск : ОГБУК «Дворец книги», 2023. – 300, [2] с.

ISBN 978-5-6049279-3-9

Сборник содержит статьи, посвящённые изучению биографии и творчества Н. М. Карамзина в контексте широкого круга исторических, литературоведческих, краеведческих и других гуманитарных проблем.

УДК 8Р1
ББК 83.3(2=Рус)4

ISBN 978-5-6049279-3-9

- © ОГБУК «Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека имени В. И. Ленина», 2023
- © ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова», 2023
- © Печать. АО «Т 8 Издательские Технологии», 2023

24. **Сумароков, П. И.** Прогулки за границу / П. И. Сумароков. – Санкт-Петербург, 1821.
25. **Тургенев, А. И.** Хроника русского. Дневники / А. И. Тургенев. – Москва ; Ленинград, 1984.
26. **Хомяков, А. С.** Письма из Англии / А. С. Хомяков // Хомяков, А. С. Полное собрание сочинений : т. 2. – Москва, 1900.
27. **Gross, A. G.** Karamzin in English / A. G. Gross // Canadian Slavic Studies, 1969. – V. III / – №. 4. – P. 716–772.
28. **Ibid.** Karamzin and English // Slavonic and East European Review. – V. 43. – № 100. – P. 110–112.
29. **Ibid.** N. M. Karamzin // A Study of his Literary Career, 1783–1803. – London and Amsterdam, 1971.

Т. А. Егерева

Актуальность Н. М. Карамзина и его наследия

В условиях переоценки ценностей, которую переживает сейчас русская культура, нелишне взглянуть ещё раз на классические имена и попытаться сформулировать те черты их творческого наследия и опыта жизнестроительства, которые могут оказаться полезными для современного российского общества. Фигура Н. М. Карамзина, о котором часто пишут как о «культурном герое» [5, с. 1049–1053], заложившем основы нового слога, издательского и журналистского дела, историописания, является в этом плане весьма показательной. Данная статья была подготовлена в 2021 году по итогам устного выступления на Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой Н. М. Карамзину, в Ульяновске. Прошедший год, ставший судьбоносным для нашей страны, лишь прибавил ей актуальности.

Как отмечали в интервью «Независимой газете» карамзиноведы А. Л. Зорин, А. С. Немзер и О. А. Проскурин, уже в правление Николая I стали складываться две основные линии осмысления Карамзина и его трудов [3, с. 43–45]. Первая была официально-верноподданническая: в ней Карамзин предстал как убеждённый монархист, обратившийся от европейских увлечений молодости к утверждению благодетельности для России сильной авторитарной власти. Она была заложена Д. Н. Блудовым и С. С. Уваровым, прослеживалась в некрологах, написанных Н. И. Гречем и Ф. В. Булгариным, и увенчивалась знаменитой фразой Николая I: «Карамзин был почти святой и умер как ангел». Впоследствии она разрабатывалась в трудах профессиональных учёных, придерживавшихся консервативных взглядов (М. П. Погодина, позднее – Я. К. Грота, К. Н. Бестужев-Рюмина).

Вторую линию можно условно назвать либерально-апологетической: она трактовала Карамзина в первую очередь как честного человека, никогда не поступавшегося своими нравственными принципами и сохранившего внутреннюю независимость, несмотря на близость к трону. Этот взгляд на Карамзина как на «неангажированного интеллигента» высказывался в конце 1820-х годов лицами из его близкого окружения (А. С. Пушкиным, П. А. Вяземским, А. И. Тургеневым), чувствовавшими неуместную фальшь в придворном славословии в его честь. «Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь, – писал А. С. Пушкин П. А. Вяземскому 10 июля 1826 года. – Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесёт достойной дани его памяти?» [16, с. 286] Уговаривая П. А. Вяземского как ближайшего родственника и собеседника Карамзина написать его биографию, А. С. Пушкин в том же письме добавлял: «Но скажи *всё*: для этого должно тебе будет иногда употребить то красноречие, которое определяет Гальяни в письме о цензуре», подразумевая особый талант «сказать всё – и не попасть в Бастилию в стране, где запрещено говорить всё» [5, с. 992]. Для людей пушкинского круга на первом плане всегда стояло нравственное значение личности историографа (как писал В. А. Жуковский, «Карамзин – в этом имени было и будет всё, что есть для сердца высокого, милого, добродетельного» [5, с. 455]) вне зависимости от его политических взглядов. Именно эта позиция оказалась востребованной в 1980-е годы, на волне возвращения интереса к Карамзину, и нашла отражение в работах классиков карамзиноведения – Ю. М. Лотмана, В. Э. Вацура, Н. Я. Эйдельмана, подчёркивавших, что главным вкладом Карамзина в русскую культуру была его личность [8, с. 320; 21, с. 230].

Однако во второй половине XIX века смысловое различие между этими двумя линиями восприятия Карамзина порой становилось неразличимым: «Карамзин, очищенный, упрощённый до одной ноты, идеализированный до блеска – друзьями из добрых побуждений, властями «из видов», – становится всё более официальной фигурой» [21, с. 220].

Неудивительно, что эта подчёркнутая официализация Карамзина, особенно заметная в ходе юбилейных торжеств 1866 года, вызвала третью линию осмысления его наследия – назовём её либерально-критической. Её придерживались оппозиционно настроенные историки (А. Н. Пыпин, позднее, на рубеже XIX–XX веков, – П. Н. Милоков, А. А. Кизеветтер), воспринимавшие историографа как консерватора, крепостника и ретрограда, внёсшего «Запиской о древней и новой России» свой вклад в сворачивание реформ Александра I. По идеологическим причинам эта версия перешла по наследству к советской науке. Впрочем, следует отметить, что, несмотря на сковывавший

советскую гуманитаристику идеологический диктат, в работах её лучших представителей отдавалось должное Карамзину и продолжалось плодотворное изучение его наследия (труды В. В. Виноградова, Н. И. Мордовченко, Г. А. Гуковского, П. Н. Беркова, Г. П. Макогоненко), к 200-летию юбилею со дня его рождения были изданы двухтомник «Избранных сочинений» (Москва, Ленинград, 1964) и «Полное собрание стихотворений» в серии «Библиотека поэта» [6, с. 12–13].

Но всё же наиболее значимые юбилейные торжества, посвящённые Карамзину, проводились в дореволюционной и уже постсоветской России: это в первую очередь юбилеи 1866, 1991 и 2016 годов [17, с. 308–329]. Утверждавшееся в ходе их празднования положительное значение наследия Карамзина генетически восходило к идеям первых двух указанных интерпретаций. С небольшими вариациями эти способы актуализации Карамзина применяются и в наши дни.

Так, например, можно проследить определённое сходство в чувствовании Карамзина как истинного патриота и твёрдого государственника в ходе официальных юбилейных торжеств 1866 и 2016 годов. На фоне декларируемого ныне возвращения к традиционным ценностям фигура Карамзина как одного из основоположников отечественного консерватизма становится как нельзя более подходящей. Как утверждает один из современных исследователей, «патриотический консерватизм Карамзина оказался вновь востребован, т. к. его труд стимулировал появление теории «официальной народности», переживающей ныне второе рождение» [2, с. 51]. И если в 1866 году апология незыблемых основ русской жизни со ссылками на Карамзина служила укреплению самодержавия после покушения на императора Александра II Д. В. Каракозова и Польского восстания 1863–1864 годов, то теперь учёные считают возможным прямо обосновывать актуальность изучения Карамзина созвучием его позиции с теми задачами, которые были сформулированы в посланиях Президента Федеральному собранию 2007 и 2008 годов [7, с. 3–4]. Уже цитировавшийся выше исследователь пишет в своей статье: «В нашу эпоху вновь стала актуальной идея сильной авторитарной власти, которая одна лишь в состоянии сохранить цивилизационную идентичность России и предотвратить её распад. <...> И лучше обосновывать «необходимость самовластия» в современную эпоху, используя талантливо написанные труды Карамзина, нежели другим каким-либо образом» [2, с. 54]. Его статья, содержащая ряд удивительных «открытий»¹, представляется весьма

¹ К примеру, автор полагает, что в 1802–1803 годах Карамзин издавал журнал под названием «Россия как Европа», а «современная Россия ненамного отличается по своим границам от Московского царства времён Ивана Грозного» [2, с. 54].

симптоматичной, ибо в явной форме артикулирует стремление обратиться к карамзинскому наследию с целью обоснования современной консервативной повестки.

Бесспорно, Карамзин был убеждённым монархистом, полагавшим, что «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым Самодержавием» [4, с. 22]. В «Записке о древней и новой России» Карамзин сформулировал максимы отечественной консервативной мысли XIX века: «в России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретается страхом последних» [4, с. 102], «самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для её счастья» [4, с. 105], но могут ли они быть полезными для современной России? За прошедшие с момента написания «Записки» два с половиной столетия полностью изменился внутренне- и внешнеполитический контекст развития нашей страны, и то, что могло звучать злободневно для самодержавной монархии, не может с равным успехом использоваться в обществе, живущем в XXI веке. Один из базовых принципов научного мышления – принцип историзма – заставляет как минимум с осторожностью относиться к политическим рекомендациям деятелей прошлого, живших и мысливших в иных социокультурных реалиях, для выработки стратегий современного развития.

Может быть, тогда актуальны не политические, а исторические идеи Карамзина? Сразу оговоримся, что научные достижения и открытия прошлого, являясь необходимым фундаментом для развития современной науки, во многих частных вопросах имеют свойство устаревать, поскольку наука – это одна из немногих сфер жизни общества, в которой бесспорно есть прогресс. В истории, которая является наукой, несмотря на попытки некоторых интеллектуалов оспорить этот факт, прогресс тоже есть: вводятся в оборот новые комплексы источников, совершенствуется их критика, разрабатываются новые методы исторического познания, расширяется проблемное поле исторических исследований. В этой связи для выяснения тех или иных конкретных вопросов в любой отрасли знаний, включая историю, логичнее опираться на исследования современных учёных, чем на труды авторов двухсотлетней давности, наработки которых представляют скорее историографический интерес.

Несмотря на вышесказанное, стоит подчеркнуть, что в «Истории государства Российского» Карамзина есть такие идеи и подходы, которые делают её довольно привлекательной для современности. Причём востребованными подчас оказываются те приёмы историописания Карамзина, за которые его критиковали историки XIX века.

Во-первых, это *моральный пафос* при описании прошлого. Карамзин, не отказываясь от требования строгости и аргументиро-

ванности изложения, так выразился о сочетании беспристрастия и патриотизма историка в беседе с К.-Г. Буссе: «Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье или умалять в своём изложении бедствия; он должен быть прежде всего правдив; но может, даже должен всё неприятное, всё позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии, говорить с радостью и энтузиазмом» [19, с. 55]. Современникам Карамзина и учёным XIX века могло казаться, что морализирование историографа – это нечто устаревшее, не соответствующее высоким требованиям объективности в исторической науке, ибо историк, судя прошлое с позиции своего времени, неизбежно осовременивает его. Эту проблему не хуже своих критиков понимал и сам Карамзин, размышлявший в письме к И. И. Дмитриеву, не сгустил ли он краски при описании злодейств Ивана Грозного в IX томе «Истории...» [14, с. 271]. Однако то, что вызывало сомнения у Карамзина и историков XIX века, по-иному высветил страшный опыт XX века. Неизбежные вопросы вины и ответственности за деяния тоталитарных режимов заставляют понять, что истории как науке о Человеке в прошлом необходим моральный пафос: логику совершения иных событий можно понять и объяснить, но нельзя оправдать. Отказ от морализирования при описании преступлений, неправосудных казней и пыток означает не стремление историка к объективности изложения, а скрытую попытку оправдания злодейств ссылками на некие внешние обстоятельства, не зависящие от воли заказчиков и исполнителей террора, а значит, снимающих с них личную ответственность за содеянное: «дух времени», «нравы эпохи», «усиление классовой борьбы» и т. д.

Во-вторых, важным для современной науки становится хороший *литературный слог* изложения «Истории...». В XIX и особенно XX веке отечественная историческая наука целенаправленно уходила от «литературности», считая её признаком беллетристики, а не серьёзных учёных трудов. В результате написанные сухим академическим языком научные работы являются достоянием узкого круга знатоков-профессионалов, а массовое общественное мнение и историческое сознание наших современников формируют популярные блогеры, журналисты, пиарщики и политтехнологи, зачастую весьма далёкие от тех научных проблем, о которых они берутся рассуждать, но зато пишущие лёгким и доступным широким слоям населения языком. Умение соединять научность с художественностью, профессионализм с живостью, красочностью и увлекательностью изложения, адресация текстов не только для профессиональной, но и одновре-

менно для максимально широкой аудитории читателей – это те черты Карамзина-историка, которые являются востребованными в современный век информационных потоков.

Кроме карамзинского подхода к историописанию, актуальность его наследия заключается в тех открытиях, которые он сделал как *литератор*: это внимание к внутреннему миру человека, к исследованию его души, миру чувств и эмоций, признание важности частной жизни. Все эти темы сентиментализма остаются столь же важными для современной культуры, что и двести лет назад.

В небольшой статье «Словесность плюс коммерция» Ю. М. Лотман назвал особую актуальность для отечественной журналистики и книгоиздания, развивающихся в условиях рынка, опыта Карамзина-журналиста: его уникальное умение соединять качественный материал с самокупаемостью изданий и высоким числом подписчиков на них. Развивая мысль Ю. М. Лотмана, А. Л. Зорин назвал Карамзина необычным для русской культуры «человеком успеха, точно знавшим, чего он хочет и что надо сделать, чтобы этого добиться» [3, с. 43–45]. Высокий уровень карамзинских публикаций решал задачу просвещения общества, а коммерческий успех его журналов и альманахов давал допустимую в рамках существовавших цензурных ограничений и политических реалий самодержавной России независимость оценок.

Как писал Н. Я. Эйдельман, «Карамзин – виднейший деятель своей эпохи, реформатор языка, один из отцов русского сентиментализма, историк, публицист, автор стихов, прозы, на которых воспитывались поколения. Всё это достаточно для того, чтобы изучать, уважать, признавать; но недостаточно, чтобы полюбить – в литературе, в себе самих, а не в мире прадедов» [21, с. 226]. *Полюбить* Карамзина как *личность* можно за те черты его жизнестроительства, которые являются созвучными современному человеку XXI века. Назову лишь некоторые из них, начав с важных для самого Карамзина.

Во-первых, это дар дружбы. Удивительное умение дружить, несмотря на разницу в возрасте и в политических взглядах, в чинах и общественном положении, и не меняя при этом раболепно тона голоса. Отставной поручик Карамзин дружил с министром юстиции И. И. Дмитриевым, занимавшим этот высокий пост в 1810–1814 годах, и стилистика его дружеских писем не изменялась по мере продвижения друга по служебной лестнице. Умел Карамзин дружить и с молодыми, только начинающими свой путь на общественном поприще людьми, не подавляя их своим авторитетом. Карамзин с молодости обладал редким талантом привлекать к себе собеседников, что он блестяще продемонстрировал во время своего европейского путешествия, беседуя с И. Кантом и И. Гердером, Ш. Бонне и И. Лафатером,

добившись откровенного разговора даже у поначалу оказавшего ему холодный приём Х. Виланда. Впоследствии под обаяние личного общения с ним попадали такие разные по своим взглядам и темпераменту люди, как М. М. Сперанский и А. С. Шишков, не говоря уже об отличавшемся подозрительностью императоре Александре I. По отзывам современников, Карамзин умел уступать в мелочах, демонстрировал максимальное уважение к мнению других, «отменно любил мирные прения, искренно радовался противоречию, никогда не сердился и не утомлялся» [20, с. 149] от аргументов своих оппонентов, старался сдерживать своё раздражение и «не только на преступления и пороки, даже на странности и слабости людей смотрел он с грустью и, казалось, рад бы был всё человечество поднять до себя» [1, с. 177].

Во-вторых, это талант создавать вокруг себя счастливое пространство из любящей семьи, выбрать себе в спутницы жизни женщину высоких душевных качеств, заслужить её любовь и поддерживать эти чувства на протяжении всей совместной жизни. Опубликованные Л. А. Сапченко письма Н. М. Карамзина к жене, Екатерине Андреевне, показывают всю глубину и пламенность их любви: «... Моё единственное благо на земле, гораздо более дорогое мне, чем моё существование», «... моя бесценная, моё сокровище и моё всё», «Разве я могу жить без тебя? <...> Милая Катенька! Как люблю, люблю тебя!» – писал Карамзин Екатерине Андреевне. Она была для него возлюбленной, подругой, единомышленницей и главной советницей в трудных жизненных ситуациях: «От кого могу принимать советы, если не от тебя? Вдохновенная чистой любовью, ты мой ангел-покровитель, главный по Боге» [9, с. 171–172].

Карамзин не раз признавался в письмах самым близким своим корреспондентам, что не общественное признание, чины и должности, а благополучие жены и здоровье детей являются для него самыми главными ценностями в этой жизни, о сохранении которых он не перестает молить Бога: «Главная моя усердная молитва к Богу не переживать своих милых» [14, с. 210]. Он относился к числу немногих отечественных литераторов, которым удалось выстроить на редкость счастливые и гармоничные отношения в личной жизни. Сумев прожить с супругой «в одну мысль, в одно чувство» [9, с. 11], незадолго до смерти Н. М. Карамзин писал: «за семейственную нашу жизнь благодарим Бога» [11, с. 111].

В-третьих, это способность достойно сохранять свое лицо в общении с властями. Карамзин был другом Александра I, императриц Марии Фёдоровны и Елизаветы Алексеевны, великой княгини Екатерины Павловны, имел откровенные беседы с Николаем I в пер-

вые месяцы его царствования, и это была дружба на равных подданного с государями. «Счастлив, кто независим, но как трудно быть счастливым, т. е. независимым!» [14, с. 251] – восклицал Карамзин в одном из писем к И. И. Дмитриеву. Действительно, немногим удаётся преодолеть тайное очарование власти, соблазн воспользоваться близостью к трону ради своих выгод, если даже не финансовых, то хотя бы репутационных. Карамзину, имевшему должность историографа, удавалось до конца оставаться частным человеком на государственной службе. «В сношениях своих с государем он дорожил своей нравственной независимостью, так сказать, боялся утратить и затронуть своей бескорыстной преданности и признательности» [5, с. 177], – эту оценку П. А. Вяземским взаимоотношений историографа с царём подтверждают многократные признания в письмах самого Карамзина: «привязанность моя к Императорской Фамилии должна быть бескорыстна: не хочу ни чинов, ни денег от Государя» [10, с. 481; 12, с. 56].

В духовном плане позицию Карамзина по отношению к монархам лучше всего можно выразить известной строкой Г. Р. Державина: «истину царям с улыбкой говорил». «...Я не льстил и не ласкал» [14, с. 155], – с гордостью писал о себе историограф. Императору он мог или советовать, как историк, «привратник бессмертия» (по выражению Ф. В. Ростопчина), или требовать от него, как «гражданин» и «республиканец в душе», например, когда речь шла о намерениях Александра I восстановить в прежних границах Польшу. Как писал князь П. А. Вяземский, «сношения царя и подданного могли быть и были нравственно свободны и бескорыстны» [5, с. 178].

В-четвёртых, это мужество «милость к падишим» призывать. В 1792 году Карамзин единственный во всей России осмелился заступиться за опального Н. И. Новикова, напечатав в своём «Московском журнале» оду «К милости». Этой публикацией он ставил под удар своё будущее как журналиста (возможно, она послужила одной из причин прекращения издания «Московского журнала»). Всё благородство поступка Карамзина можно оценить, учитывая тот факт, что сам он к тому времени отошёл от масонства и встречал нападки на издаваемый им журнал со стороны некоторых членов масонского круга (И. В. Лопухина, Н. Н. Трубецкого, А. М. Кутузова). Вновь вопрос о Н. И. Новикове Карамзин поднял в 1796 году в «Оде на случай присяги московских жителей Павлу Первому...», воспевая «милость» императора к «осуждённым», то есть к участникам новиковского кружка, а при Александре I в 1818 году ходатайствовал о помощи семье просветителя в «Записке о Новикове».

Не одобряя восстания декабристов, считая его «злым и безумным заговором», имевшим цель «отдать государство власти неизвестной,

злодейски свергнув законную», Карамзин тем не менее пытался заступиться за осуждённых по делу 14 декабря 1825 года, произнеся, по слухам, знаменательную фразу: «Ваше Величество! Заблуждения и преступления этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века!» [21, с. 201]. Считая, что многие из членов тайного общества относились к нему с явным недоброжелательством, Карамзин смог подняться над личным чувством антипатии и сострадать горестной участи родственников декабристов, тем более что среди них оказалось много его близких знакомых: «Лавали в отчаянии за их зятя, Трубецкого. Катерина Фед.<оровна> Муравьева раздирает сердце своею тоскою. Вот нелепая трагедия наших безумных либералистов! Дай Бог, чтобы истинных злодеев нашлось между ими не так много!» [14, с. 412], «Слышно, что раскаяние некоторых искренно и полно. Бедные матери, жёны, дети, младенцы!» [13, с. 169; см. также: 18, с. 123–128]. Уникальное умение Карамзина видеть в носителях иных политических взглядов в первую очередь живых людей, нуждающихся в помощи и сострадании, делает его фигуру как никогда актуальной для построения современного гражданского общества.

В-пятых, это способность хладнокровно выслушивать критику и не воспринимать при этом оппонентов как личных врагов, а, напротив, публично признавать их научные заслуги, как поступил Карамзин, поместив во втором, наиболее полном и выверенном прижизненном издании «Истории государства Российского» благодарности своим критикам. А за самого настойчивого и неутомимого из них, историка М. Т. Каченовского, Карамзин голосовал при выборе новых членов в Российскую академию. Как писал о Карамзине П. А. Вяземский, «в знаниях, в полноте и блеске умственной деятельности имел он совместников и соперников, мог и должен был иметь и победителей. Но по душе чистой и благолюбивой был он, без сомнения, одним из достойнейших представителей человечества, если, к сожалению, не того, как оно вообще в действительности, то человечества, каким оно должно быть по призванию Провидения» [5, с. 86].

В-шестых, это открытость новому, смелость братья за новые проекты, успех которых был не гарантирован. Например, решение молодого Карамзина самостоятельно, без помощников, издавать «Московский журнал». С другой стороны, решимость бросить дело, в котором уже добился успеха и признания публики, ради нового неизведанного поприща: таким был шаг 37-летнего Карамзина, прекратившего свою издательскую деятельность по выпуску журнала «Вестник Европы» и «постригшегося» в историки в те лета, как говорил А. С. Пушкин, «когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно заключён и хлопоты по службе заменяют уси-

лия к просвещению» [15, с. 57]. К числу профессиональных качеств Карамзина, могущих быть востребованными в современную эпоху, относится и умение так организовать свой рабочий процесс, чтобы не «сгореть» от перенапряжения в первые же годы, а спокойно и методично довести работу до её логичного завершения (Карамзин намеревался закончить «Историю государства Российского» воцарением Романовых и почти осуществил свой замысел, доведя повествование до 1611 года).

Данный список не претендует на полноту, но показывает, на мой взгляд, те черты личности и характера Карамзина, которые делают его интересным и актуальным сегодня. Нетрудно заметить, что предложенное осмысление идёт в русле лотмановско-эйдельмановской традиции, которая представляется хотя и не бесспорной, но наиболее продуктивной в изучении карамзинского наследия. Кроме того, это отвечает убеждениям самого Н. М. Карамзина, полагавшего, что личностные качества человека, его стремление к добру и нравственному совершенствованию превосходят общественные заслуги, должности и чины: «Жить есть не писать историю, не писать трагедии или комедии, а как можно лучше мыслить, чувствовать и действовать, любить добро, возвышаться душою к его источнику; всё другое, любезный мой приятель, есть шелуха: не исключая и моих осьми или девяти томов, – писал Карамзин в 1815 году А. И. Тургеневу. – Чем далее мы живём, тем более объясняется для нас цель жизни и совершенство её. Страсти должны не счастливить, а разрабатывать душу. Мало разницы между мелочными и так называемыми важными занятиями: одно внутреннее побуждение и чувство важно. Делайте, что и как можете, только любите добро, а что есть добро – спрашивайте у совести. Быть статс-секретарём, министром или автором, учёным – всё одно».

Литература:

1. **Вигель, Ф. Ф.** Записки : в 2 кн. Кн. 1 / Ф. Ф. Вигель. – Москва : Захаров, 2003.
2. **Горохов, П. А.** Философия истории Н. М. Карамзина и современность / П. А. Горохов // Философская мысль. – 2017. – № 6. – С. 51–61.
3. **Зорин, А. Л.** Человек, который пережил конец света / А. Л. Зорин, А. С. Немзер, О. А. Проскурин // Венок Карамзину. – Москва : Academia, 1992.
4. **Карамзин, Н. М.** Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях / Н. М. Карамзин. – Москва : Наука, 1991.
5. **Карамзин: pro et contra** / составление, вступительная статья Л. А. Сапченко. – Санкт-Петербург : РХГА, 2006.
6. **Кочеткова, Н. Д.** Споры о Карамзине: итоги и проблемы изучения / Н. Д. Кочеткова // Карамзин – писатель: коллективная монография

- / под редакцией Н. Д. Кочетковой, А. Ю. Веселовой, Р. Бодэна. – Санкт-Петербург : Пушкинский дома, 2018.
7. **Кувшинова, Н. В.** Нравственные основания мировоззренческих идей Н. М. Карамзина : автореферат диссертации на соискание степени кандидата философских наук // Н. В. Кувшинова. – Шуя, 2009.
  8. **Лотман, Ю. М.** Сотворение Карамзина / Ю. М. Лотман. – Москва : Книга, 1987.
  9. **Неизданные произведения и переписка Николая Михайловича Карамзина.** – Санкт-Петербург : в типографии Н. Тиблена и Комп., 1862.
  10. **Переписка Н. М. Карамзина** // Атеней. – 1858. – № 23.
  11. **Переписка Н. М. Карамзина** // Атеней. – 1858. – № 28.
  12. **Письма Карамзина к А. Ф. Малиновскому и письма Грибоедова к С. Н. Бегичеву.** – Москва : Издание Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете, 1860.
  13. **Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому. 1810–1826 (из Остафьевского архива).** – Санкт-Петербург : Типография М. Стасюлевича, 1897.
  14. **Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву.** – Санкт-Петербург : В типографии Императорской Академии наук, 1866.
  15. **Пушкин, А. С.** Отрывки из писем, мысли и замечания / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1949.
  16. **Пушкин, А. С.** Полное собрание сочинений : в 16 т. Т. 13. Переписка, 1815–1827 / А. С. Пушкин. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1937.
  17. **Сапченко, Л. А.** Карамзинские юбилеи в истории и культуре России / Л. А. Сапченко // Карамзин – писатель : коллективная монография / под редакцией Н. Д. Кочетковой, А. Ю. Веселовой, Р. Бодэна. – Санкт-Петербург : Пушкинский дом, 2018. – С. 308–329.
  18. **Сапченко, Л. А.** Н. М. Карамзин 14 декабря 1825 года / Л. А. Сапченко // Карамзинский сборник. «По чувствам останусь республиканцем...». Реформы и революции как способ мироустройства сквозь призму карамзинской эпохи : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Карамзинские чтения» (Ульяновск, 6–7 декабря 2017 г.). – Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2018. – С. 123–128.
  19. **Сапченко, Л. А.** Н. М. Карамзин глазами немецкого путешественника / Л. А. Сапченко // Карамзинский сборник : сборник статей : вып. 8 / под редакцией Е. И. Княжевой, Т. А. Егеревой. – Москва : ООО РИФ «Семир», 2021.
  20. **Стурдза, А. С.** Воспоминания о Николае Михайловиче Карамзине / А. С. Стурдза // Москвитянин. – 1846. – № 9.
  21. **Эйдельман, Н. Я.** Последний летописец / Н. Я. Эйдельман. – Москва : Вагриус, 2004.

Содержание

Статьи

История

Беспалова Е. К.

- К истории прижизненных переводов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (переводчики О. Сен-Тома, А. Жоффре, Ф. М. Гауеншильд и другие) 3

Биткинова В. В.

- «История государства Российского»
Виктора Сосноры (цикл исторических миниатюр «15») 53

Калашников М. В.

- Понятие «либерализм» в дискурсивных практиках
В. О. Ключевского 64

Люттов Л. Н.

- Н. М. Карамзин и билинейный подход
к истории человечества 75

Новеньков К. И.

- Иван IV и сторожевые укрепления в истории симбирского
Поволжья 83

Рудковская И. Е.

- Ключевые темпоральные маркеры в макроистории
М. М. Щербатова 95

Фрик Т. Б.

- Н. М. Карамзин и А. Ф. Малиновский (материалы к словарю-
справочнику «Карамзин и его окружение») 102

Культура

Акчурина А. Р.

- Комментарии издателя в «Московском журнале»
Н. М. Карамзина как способ взаимодействия
с подписчиками 110

Баяра Л. П.

- Н. М. Карамзин и художники-иностранцы в России
второй половины XVIII–первой трети XIX века 119

Демидова Т. Э.	
Образ Англии, англичан и английской жизни в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина ..	130
Егерева Т. А.	
Актуальность Н. М. Карамзина и его наследия	139
Зубков Н. Н.	
Париж в «Вестнике Европы» Н. М. Карамзина	150
Кафанова О. Б.	
Н. М. Карамзин как создатель первого в России общеевропейского журнала	159
Мурашов Д. Ю.	
Первая биография Н. М. Карамзина в серии «Жизнь замечательных людей»	168
Рассадин А. П.	
Краеведческий проект «Язык и словесность Симбирского- Ульяновского края» (к проблеме формы и содержания провинциальных краеведческих энциклопедий)	173
Сапченко Л. А.	
Екатерина Николаевна Карамзина	179
Статья Н. М. Карамзина «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени»: заглавие как сюжет	184
Сергеева Е. Н.	
«Слово/Изображение». Исторические параллели и интерактивные перспективы. Опыт создания экспозиций, посвящённых отечественной литературе	189
Терентьева А. Д.	
О некоторых особенностях эпистолярной культуры карамзинской эпохи	196
Литература	
Автухович Т. Е.	
Экфрасис в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина как «движущаяся эстетика»	205
Алпатова Т. А.	
К. М. Виланд и Н. М. Карамзин	213
Греков В. Н.	
Карнавальная личина и сентиментальная личность в публицистике 1770–1780-х годов	217

Грекова Е. В.	
Илья-богатырь и счастливый карла	230
Ивинский Д. П.	
Мицкевич о Карамзине	236
Казаков Р. Б.	
А. Галлер в сочинениях Н. М. Карамзина	246
Крובה А. К., Прохорова И. Е.	
«Маленькая тетрадка» В. Л. Пушкина «О каруселях» и «Вестник Европы»	256
Лобкарёва А. В.	
«...Ваш журнал, ... дружески улыбнётся мне...». И. А. Гончаров и «Вестник Европы»	265
Пашикуров А. Н.	
Поэтика возвышенного в стихотворении Н. М. Карамзина «К добродетели» (опыт комплексного анализа)	271
Соболева А. А.	
Интерпретация сюжетов «Истории государства российского» Н. М. Карамзина в стихотворениях Н. М. Языкова «Кудесник» и «Евпатий»	274
Шаврыгин С. М.	
Чувствительный и холодный: два характера в интерпретации Н. М. Карамзина и М. Е. Салтыкова (Щедрина)	280

Сообщения

Глазкова Н. А., Ильин Д. Д., Анципович Е. В.	
Эпоха Н. М. Карамзина и музыка	287
Шамаева Д. М.	
«Изъ смерти прехожу къ жизни»: дыхание древнерусской литературы в пьесе М. Хераскова «Гонимые»	290
Сведения об авторах	294